

УДК 811.161.1'42

О. В. Банзерук

**Лингвостилистический анализ сравнений
в повести Н. Гоголя "Ночь перед Рождеством"**

У статті на матеріалі гоголівської повісті подано лінгвостилістичний аналіз порівняння. Розглянуто структуру і граматичні типи компаративів. Виділено й охарактеризовано функціонально-стилістичні моделі, пов'язані з характеристиками образів персонажів.

Ключові слова: троп, порівняння, компаратив, структура, граматичні типи компаративів, функціонально-стилістична модель.

В статье на материале гоголевской повести представлен лингвостилистический анализ сравнения. Рассмотрены структура и грамматические типы компаративов.

Ключевые слова: троп, сравнение, компаратив, структура, грамматические типы компаратива, функционально-стилистическая модель.

Comparison is two-sided phenomenon because it is the reception of logic, the operation of mentality and special linguistic and artistic means called trope simultaneously. Following the other researchers we consider the phenomenon of comparison as comparison of one subject, fact or concept with another on the basis of a certain feature. The analysis of comparative models in the story "The night before Christmas" written by Gogol promotes the disclosure of ideological content and detection of specific methods of using these author's favourite bright means. While analyzing the story that was mentioned we distinguished and characterized several functional-stylistic models of Gogol's comparisons.

Key words: trope, comparison, comparative, structure, grammatical type of comparative, functional-stylistic model.

На современном этапе развития языкознания перспективно изучение истории литературного языка мастеров слова, которые способствовали его совершенствованию и развитию. Именно такой личностью является Н. Гоголь, анализ языковых единиц произведения которого позволяет определить специфику слова как средства художественного изображения действительности, что делает выbranную тему актуальной.

Одним из важнейших и любимых образных средств языка, часто используемым писателем, выступает сравнение, имеющее двоякую

природу. С одной стороны – это логический приём, благодаря которому устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира [3, с. 31]. С другой – художественный прием, троп, при котором образ создается посредством уподобления одного объекта другому на основе определенного признака [7, с. 14].

В научной литературе есть еще одна дефиниция: сравнением называется сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого [2, с. 247]. Приняв ее за основу нашего анализа, обратим внимание на лингвостилистический аспект сравнения на материале повести "Ночь перед Рождеством".

Как известно, структура логического сравнения предполагает наличие трех элементов: а) понятия, которое требует пояснения; б) понятия, которое служит для пояснения "мостиком" между двумя сопоставляемыми; в) общего признака уподобления [5, с. 14].

В лингвистическом отношении компаратив представляет собой сложное единство объекта сравнения, предмета сравнения, основания уподобления и их особую организацию, т. е. модель. В определении сравнения – языковой единицы – отражается его сущность как сопоставления одного предмета, явления или понятия с другим на основе какого-либо признака.

Сравнение широко применяется в художественном творчестве Н. Гоголя для раскрытия характеристики действующих лиц, их чувств и поступков. Использование таких единиц – один из самых характерных признаков высокого мастерства автора, поскольку именно через троп он передает свое мировоззрение и сложное внутреннее состояние персонажей. Анализ, основывающийся на изучении сравнений и их роли в тексте повести "Ночь перед Рождеством", способствует осмыслению идейного замысла автора и выявлению специфически гоголевских приемов употребления этого изобразительно-выразительного средства, что представляется нам немаловажным.

Исследователи не раз отмечали связь ранней прозы Н. Гоголя с празднично-ритуальным фоном, наличие в ней, наряду с реальными малороссийскими персонажами, демонической силы: ведьмы, черта, колдуна, контакты с которыми происходят в переломный момент жизни героя. "Пользуясь меткой деталью, писатель дает точную социальную характеристику персонажа... Отрицательное в людях показано при помощи неожиданного, сатирически развернутого сравнения, заостряющего те черты, которые раскрывают саму сущность характера" [6, с. 74].

Анализируя текст "Ночи перед Рождеством" в лингвостилистическом аспекте, мы заметили, что сравнения, использованные в нем автором, условно можно разделить на три группы. Первая связана с характеристикой мифологических образов: ведьмы, черта, колдуна. Вторая – с реальными персонажами-украинцами: Вакулой, Оксаной, Солохой, Чубом. Третья группа представлена в пейзажных зарисовках. Рассмотрим подробнее выделенные нами функционально-стилистические модели гоголевских компаративов.

По нашим подсчетам, самыми частотными в повести являются сравнения чёрта с кем-либо или с чем-либо. И это неудивительно, поскольку чёрт – вымышленный персонаж. Созданный воображением писателя образ помогает объяснить читателю неизвестное, вновь познаваемое, явление через знакомое, хорошо известное. В этом, как нам кажется, и заключается эффект сравнения и основывается выразительность тропа.

Уже первые уподобления, используемые автором, свидетельствуют о неопределённости, загадочности героя. Сначала – просто пятнышко, потом – немец, то есть иностранец: *"Вдруг ... показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко... Спереди совершенно немец: узенькая... мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятчком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке"* [1, с. 113]. Далее Н. Гоголь использует для сравнения знакомые всем образы. Читатели знают, как выглядит *"настоящий губернский стряпчий в мундире"* и *"трубочист"*.

Чёрт – представитель нечистой силы, однако, повесть "Ночь перед Рождеством" несёт в себе позитив, полна юмора, поэтому фантастический персонаж своим поведением напоминает то ребенка, то мужика. Вспомним хорошо знакомые со школьной скамьи выразительные описания поведения черта-проказника. *"Между тем черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку"* [1, с. 113] (черт-ребенок). *"Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяца, кривляясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки"* [1, с. 113] (черт-казак).

Солоха – еще один полуреальный-полувымышленный образ: с одной стороны, ведьма, подруга черта, с другой – гостеприимная

хозяйка и мать. Сравнения, связанные с этим персонажем, имеют, как нам кажется, двоякую цель. Во-первых, "приземлить" нечистую силу, представить ее обычной малороссийкой: *"Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставит все к своему месту..."* [1, с. 124], *"Ведьма сама почувствовала, что холодно... ; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу"* [1, с. 121]. Во-вторых, юмористически изобразить любвеобильную хуторянку: *"Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк"* [1, с. 131].

С реальным образом Вакулы в повести связаны сравнения, выполняющие несколько иные функции. Одни помогают охарактеризовать силу кузнеца: *"... руки жестче железа..."* [1, с. 119], *"... сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины..."* [1, с. 158]. Другие касаются его чувственной сферы: *"Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова"* [1, с. 121], *"Ей все игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с нее"* [1, с. 120], *"... а я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить"* [1, с. 120]. Третьи демонстрируют бурные эмоциональные проявления персонажа: *"Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было объяснение этих слов"* [1, с. 137], *"Как вкопанный стоял кузнец на одном месте"* [1, с. 134].

В характеристике образа Оксаны первое же сравнение определяет и остальные: *"...была капризна, как красавица..."* [1, с. 117]. В этом и заключается юмор Н. Гоголя: поскольку Оксана и есть красавица, постольку она капризна. Употребленное автором сравнение излишне и, как нам кажется, используется с целью вызвать улыбку умиления у читателя.

Анализируя повесть, мы заметили, что гоголевские уподобления служат не только для характеристики основных героев повести, но и для придания антропоморфизма неживой природе (*"Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам"* [1, с. 124]), представителям фауны (*"Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий..."* [1, с. 143]), описания второстепенных персонажей (*"Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как"*

вихорь, с санками по скрипучему снегу" [1, с. 144]), хуторянского быта ("Хата их была вдвое **старее шаровар волостного писаря**". Таких выразительных уподоблений в тексте повести "Ночь перед Рождеством" также немало. Они составляют третью группу.

С лингвистической точки зрения компаративы могут быть выражены разными грамматическими способами: сравнительными союзами, творительным падежом существительных, сравнительной степенью прилагательных или наречий, а также сравнительным придаточным в составе сложного предложения [4, с. 259]. Все эти грамматические модели использует Н. Гоголь в своей рождественской повести.

Как показал анализ языкового материала, чаще всего писатель использует конструкции со сравнительными союзами *как*, *будто*, *словно*, *точно*, *как будто* для характеристики образов нечистой силы: "Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, **будто в самом деле кухмистр**, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на рождество колбасу" [1, с. 121], "Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, **как заседатель у поповны**, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло" [1, с. 129]. Такие сравнения помогают писателю создать, а читателю – представить образ, существующий только в воображении.

Солоху в образе ведьмы и матери Вакулы, а также главных персонажей – Вакулу и Оксану – Н. Гоголь представляет также посредством сравнительных конструкций: "Вакула уставил на него глаза, **как будто бы на лбу его написано было объяснение этих слов**" [1, с. 137], "Будто хороши мои черные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, **как длинные змеи**, перевилились и обвилились вокруг моей головы!" [1, с. 118], "Так, это она! стоит, **как царица**, и блестит черными очами!" [1, с. 134]. Как видим, сопоставление двух предметов на основе выделенного признака позволяет конкретизировать описываемое, сделать его более очевидным.

Творительный сравнительный употребляется Н. Гоголем для создания более выразительных и наглядных образов героев ("А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только

черным пятнышком мелькала вверху" [1, с. 112], "... она еще в позапрошлый четверг **черною кошкою перебежала дорогу...**" [1, с. 123], "... он нарядился таким **щеголем и запорожцем...**" [1, с. 158]), представления атмосферы Петербурга ("**Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон**" [1, с. 147]), описания природы ("**Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам**" [1, с. 124]).

Форма сравнительной степени прилагательных и наречий способствует передаче оттенков отношений между героями ("**А между тем его дочка... останется дома, а к дочке, наверное, придет кузнец, силач и детина хоть куда, который черту был противнее проповедей отца Кондрата**" [1, с. 114], "**Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы...**" [1, с. 121]), развертыванию компаратива в пейзажных зарисовках ("**По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватящего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина**" [1, с. 127]).

Не менее интересным представляется нам и анализ объекта гоголевских сравнений в повести "Ночь перед Рождеством", который может быть представлен разными способами. Подтвердим эту мысль гоголевскими примерами.

"**Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды...**" [1, с. 113].

"**Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло**" [1, с. 129].

"**Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы**" [1, с. 142].

"Так, это она! стоит, как царица, и блестит черными очами!" [1, с. 134].

Иногда автор просто сравнивает героя с человеком в каком-то особом состоянии:

"Супруга принялась снова за кочергу, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна" [1, с. 143].

"Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках" [1, с. 121].

Нередко объект для уподобления – представитель какой-либо профессии, рода занятий или выходец из простонародья:

"... только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт..." [1, с. 113].

"Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на рождество колбасу" [1, с. 121].

"По временам на лице его, которого бороду и усы метель намывила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватящего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина" [1, с. 127].

"Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель" [1, с. 158].

"Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист" [1, с. 135].

В тексте повести также находим сравнения черта с франтом и щёголем:

"Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на

шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками" [1, с. 121].

Как видно, Н. Гоголь сравнивает своих персонажей преимущественно с одушевленными объектами, особенно с другими людьми, довольно часто. В "Ночи перед Рождеством" встречаются также сравнения с представителями фауны. В тексте повести читаем:

"При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок" [1, с. 139].

"...узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком..." [1, с. 113].

"Беги меня сейже час на себе, слышишь, неси, как птица!" [1, с. 139].

"Вот это хорошо! — сказала она с таким видом, в котором заметна была радость ястреба" [1, с. 142].

Кроме того, автор использует сравнения с явлениями природы:

"Все было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов..." [1, с. 147].

"Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон..." [1, с. 147].

Гоголевская "Ночь перед Рождеством" — одна из повестей, рассказанных пасечником Рудым Паньком, человеком из народа, поэтому сравнения с явлениями природы, с представителями животного мира совершенно естественны в речи такого рассказчика. Именно они придают повести фольклорность. А сравнения с деталями быта и блюдами украинской кухни позволяют говорить о народности художественного произведения [5, с. 15].

"... Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена..." [1, с. 123].

"Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно незаметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице" [1, с. 135].

"Что он говорит?" — безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово" [1, с. 137].

"Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его" [1, с. 158].

Итак, выполнив лингвостилистический анализ сравнений в повести Н. Гоголя "Ночь перед Рождеством", мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, заметили, что произведение насыщено компаративами.

Во-вторых, убедились, что именно тропы, и в первую очередь сравнения, помогают писателю создать незабываемые характеры и образы, сделать их объёмными, многогранными.

В-третьих, увидели, что яркие сравнения придают гоголевской повести поэтичность и живописность народной жизни.

В-четвертых, отметили, что чаще всего писатель обращается к сравнениям из народного быта и фольклорным образам, особенно наглядным и конкретным.

В-пятых, проиллюстрировали мысль о том, что гоголевские сравнения, то явно юмористические, то поэтические, приоткрывают внутренний, лирический подтекст повести, усиливают общий праздничный колорит пейзажа, оптимистически светлую тональность произведения.

Литература

1. Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – М. : Художественная литература, 1975. – 420 с.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
3. Прияткина А.Ф. Сравнительный оборот / А. Ф. Прияткина // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Дрофа, 1997. – 721 с.
4. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – М. : Высшая школа, 1974. – 352 с.
5. Сивкова А. В. Идиостиль Н. В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики (на материале произведений "Ночь перед Рождеством" и "Мертвые души") : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Сивкова А. В. – Калининград, 2007. – 23 с.
6. Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь / Н. Л. Степанов. – М. : Художественная литература, 1955. – 588 с.
7. Ушакова К. М. Лингвистический аспект в изучении сравнений / К. М. Ушакова // Русский язык. Материалы и исследования. – Ставрополь, 1967. – Вып. 1. – С. 12–17.